

Лучше быть Васильевым Блаженным, чем Иваном Грозным

НЕ ПОДВОДЯ ИТОГИ

30 июня Большой театр закрыл свой 220-й сезон. Осень премьер, первый этап перехода на контрактную систему, громкие юбилейные вечера, громкие споры с выдающимися мастерами, не самым лучезарным образом складывающиеся взаимоотношения с критикой... Художественному руководителю — директору ГАБТ Владимиру Васильеву, конечно, еще не время подводить итоги на своем посту, но, безусловно, уже есть что вспомнить.

-Владимир Викторovich, предполагалось, что в конце сезона продирижирует "Пиковой

— Еще один пример, подтверждающий, что нормально работать можно только на контрактной основе. Договоренность была устная. Я слышь хотел, чтобы Евгений Федорович продирожировал "Пиковой". Мы и репертуар пост-

роили так, чтобы этот спектакль — по его желанию — пришелся на июль, самый сезон для спектаклей. Мы бы еще поработали над спектаклем, поспешили выпустить 16 июня, чтобы высвободить дни для его репетиций. Но увы... Из газет я узнал, что в это время у него случился другой инсульт. Я решил попытаться установить с ним контакт, чтобы уточнить планы на следующий сезон. А они у нас были очень серьезные: на 25 декабря назначена премьера "Ле-Седжон" — оперы, которую мы создавали. Евгений Барскович подтвердил желание дирижировать этим спектаклем, а Токсовитянку, которую мы собираемся ставить, — как известно, это его давняя страсть, вообще не мыслимая без участия в ней.

Трудность нашего положения заключается в том, что мы можем «завлечь» великих мастеров в театр только именем театра, прекрасно осознавая, что работать здесь они будут в ущерб своим эконо­мическим интересам. Потому я не могу никого уговаривать, не могу не отнестись с пониманием, если мне откажут, но тем не менее считаю, что для наших мастеров, успешно работающих на Западе, это имя не должно быть безразлично. Так что, дорогие мои коллеги — скажу вам

еще раз, — если вы хотите сделать что-то и во славу Большого театра, милости просим: он для вас открыт.

— Наладились ли ваши отношения с Мстиславом Растроповичем? Будет ли он когда-либо еще дирижировать "Хованщиной"?

— Налаживать отношения всегда труднее, чем испытывать их на прочность. После того, как Мстислав Леопольдович публично высказал крайне резкие суждения о новой репертуарной политике Большого, наступило вполне понятное взаимное охлаждение, которое, надеюсь, мы со временем преодолеем. И само собой разумеется, я всей душой за то, чтобы он дирижировал всеми спектаклями.

— В премьерных представлениях "Хованщины" ведущие партии исполняли петербургские пацаны, на которых, собственно, и ставился спектакль, но вскоре они перестали приезжать. Не потому ли, что им за выход платили куда больше, чем своим, и это стало накладно?

— Идея спектакля в репертуаре, немалозначимо рассчитывать исключительно на гастроли. Но мы тоже есть кому платят эти партии. Но что касается оплаты, это правда. И ничего сверхъестественного: какой ни интерес в таком случае выступать в чужом театре, у них свои есть Корчагины, свои свави оплыли на ту же проблему: регулярно приносят в театры большие суммы денег, пока не по карману. Вот я и думаю, пытаюсь одолеть наши нескончаемые финансовые трудности. Вось год ходил с протянутой рукой буквально на каждый спектакль приходилось выпрашивать дополнительные деньги.

И среди богатых людей вовсе не так уж много желающих покрови-

тельствовать искусству. Впрочем, тут нам грех жаловаться: и "Триптиха", и "Угрошение строптивой" были поставлены в значительной мере на спонсорские средства. Чтобы закрыть тему о "сплате труда", скажу, что, конечно, и "ужим, и своим надо платить по мировым стандартам, и кое-какие сооружения, как к этим стандартам приблизиться, у меня есть. Ну а пока мы редуцируем, что сделан первый шаг – введена контрактная система для сцены.

Рото Н.С. САМОЙЛОВА

– Как минимум одно выступление в месяц гарантируется.
– Пожалуй, не слишком много?

— У меня случались сезоны, в которые я выходил на родную сцену не более 5–6 раз.

[illegible]

лись убедить их остаться?

— Труппа очень большая — это раз. Выгонять людей на улицу не возможно — два. Надо вводить молодежь — три. Наконец, художественное руководство на то художественное руководство, чтобы решать, в каком репертуаре артист представит в самом

на выгодном свете. Все беда в том, что контракт, во всяком случае заключенный с родным театром — вещь для нас непременная и неосмысленная. Я не могу и не хочу никого упреждать. Дело это добровольное: кто не хочет подписываться, тот и не подписывается. Но, разумеется, можно попробовать договориться. Саша Ветров пришел ко мне, сказал, что ему жалко уезжать, что он не хотел бы навсегда отрываться от Большого театра. И я сказал, что, пожалуй, приятным было бы, если бы он, конечно, хотел договориться. Он подписал контракт на разовые выступления. Это совершенно говорит в пользу контракта: ни системы, ни моги ли раньше «крепостной» артист Большого театра, чем бы то ни было не удовлетворенный, помыслил о работе

по совместительству? Нет, lieber
уходи, либо сиди на месте!
— А если уход станет массо-
вым явлением?
— "Звезды" должны выступать
по всему миру. Ничего страшного
нет в том, что человек реши-
тся стать свободным художником и
будет приезжать в театр для того,
чтобы выступить в каком-то
конкретном спектакле. Ну а если

он все-таки предпочитает работать постоянно, тогда интересы театра должны быть во главе угла. Массового исхода не будет, уверен. Большой не может награждать талантом, но он дает имя. Это высокое звание — "артист Большого театра", и с ним не так-то легко расстаться.

— Ваше отношение к критике высказанной в адрес балета "Последнее танго", и к самому этому балету.

— Там есть повторы — мне кажется, балет можно было бы подкорректировать, есть некоторые односторонние в драматургии, но я не могу сказать, что это плохой опус. Другое дело, что главный герой Вячеслав Михайлович Гордеев в Большом — художественный руководитель балета, а не хореограф. Он должен искать и приглашать хореографов, следить за качеством спектаклей, текущего репертуара. И он выполняет эти задачи — в дирижерском, сопровождающем "Танго" появились новые номера, а с временем и они поменяются, качество спектаклей не становится хуже.

Теперь о критике. А о ней лучше на собственном примере, не правда ли? Как танцовщица была избалован критиками, зато когда начал ставить, тут-то на меня все и посыпалось. Так как же все-таки я отношусь к критике? А вот я процитирую:

*Мне непротивен критиков равнос,
Куда как лучше слышать одобренье,*

Так и работать буду,
 Приведу в волнение
 Всех, с кем мне сведет судьба,
 Кто мне поверит или заторопит
 Моей идеей, и тогда
 Не хвастая хвастаться
 Мне с критиками биться
 И дуться на весь мир.
 Остаётся стремиться
 Мне мысля и чувство в образы облачить
 Опять вазелины
 Творческой нежности
 И не мешать с радостью ничьей...
 Прошу! Критики, не пугайтесь,
 Не хвастай идеей жиденькой,
 Собирать вас всех и в ад учить.

— А кто автор?

— Догадайтесь.

- 71

– А что дела
критиками в СССР

бы недопустимым, но ведь над же и пар как-то выпускать. Нали сал — и вроде бы ответил. Хот на самом деле ответ может быт толь ко один, — злая работа.

— Как вы думаете, почему Дзеффирелли не ответил на ваше предложение поставить "Травиату", даже письма с отказом не прислал? И не довел ли над вами его знаменитый фильм, когда вы работали над своей постановкой?

— Думаю, нестабильность нашего положения сыграла свою роль. Кроме того, помимо творчества, он сейчас занят еще и политикой. А не ответил... Знаете, честно признаться, я, к стыду своему, тоже не всегда отвечаю, когда

Фильм довел только в одном я понимал, что не должен делать так, как в этом фильме. Но мне хотелось сохранить главное, что было у Френко и за что его ругали: собственная критика, — «золотое» богатство декораций. Это считалось недостаточно хорошим вкусом. Но я считаю, что для сцены Большого эта пышность подходит как нельзя лучше. Был бы другой театр — я бы поставил другой спектакль. Кстати, я видел великое множество постановок этой оперы. С тем же успехом можно сказать, что и они надо мной довели. Прекрасно отдавал себе отчет

том, что, как бы ни поставил балетный номер, все равно скажут, что Максимова и Васильев были лучше. В фильме гораздо легче выявить суть всех артистов, сугубо героини — я, например, совсем не в восторге от того, как пел Стратас, такое пение со сценическим было разноречиво, а тут оно приналось совершенно иначе. Давайте же все посмотрим. Надеюсь, что вы все увидите. Надеюсь,

ми довлеет наше прошлое и наши знания. Всегда революции легче совершать людям малознающим, отсюда, мне кажется, и разрушительная сила революций.

— Уже названы четыре предстоящие премьеры: «Иван Сусанин», «Псковитянка», «Лебединое озеро» и программа «Шагивры советской хореографии». Означает ли это, что и в следующем сезоне Большому не светит встреча ни с одним западным хореографом или режиссером? Почему поставленным при прежнем руководстве «Жизнь за царя» опять решили превратить в «Сусанина» и куда да подевались задуманные оригинальные произведения — опера «Капитанская дочка», например, или балет «Преступление и наказание»?

— Две крупные оперные премьеры и две балетные — это наш минимум, выпустить их мы просто обязаны. Но это не значит, что мы ими и ограничимся. Будут и другие премьеры, не такие фундаментальные, будут концерты. Появятся и зарубежные постановщики, если, конечно, найдутся деньги, а мы постараемся и

найти. Из хореографов — это Бейкер (он, правда, скорее всего появится через сезон, но с ним уже есть твердая договоренность), сделаем ретроспективу его творчества, в которую войдут адажио из «Ромео и Юлии» и «Весна священная», это Гленн Татли, с которым мы договорились, веро-

Творения предвещивали долгожданную встречу с искусством, воспринимали буквально: неделями ждали в Дрездене. Собирались поехать в Дрезден, чтобы посмотреть у нас его знаменитых "Волонтирис". А основе хореографии Бажера, Тэттли, Балетникина, сумев уже подступиться к хореографии Киляни или Матсе Эке, балеты которых я так много мог видеть на сцене Большого театра, но они требуют серьезной, специфической подготовки артистов. Киляни уже много лет ставит только для своей труппы, но, кстати, тоже дал мне некое обещание: поставит какое-нибудь из своих произведений на нашей сцене.

Уже в сентябре к нам придет посмотреть труппу Питер Устинов. В сезоне 1997/98 г., то есть через сезон, он поставит в Большом "Любовь к трем апельсинам", и Андрей Кончаловский, вероятно, — "Кармен".

"Ивана Сусанина" будем возвращать потому, что "Жизнь царя", на мой взгляд и не только мной, оказалась постановкой неумелой и в полноте своей не

зитная карточка Большого театра. Не до вернувшись величественные декорации Вильямса, а даже режиссура старого спектакля была куда более интересной, а Польский бал — так просто шедевром. Главные это, а вовсе не новые либретто. Многие думают, что во время возобновления обернется провалом, но так же думали и о балете "Ромео и Джульетта", а вышел совсем иначе.

"Калитанская дочка" никуда не подевалась. Музыку для нас пишет Михаил Ермагов-Коллонтай. Через полтора года она должна быть готова. Пока, по-моему, получается очень интересно. Что касается балета "Преступление и наказание", идея которого исходила от Шемякина, то пока все приостановилось и как раз из-за того, что до сих пор не найден композитор.

— Какие ожидаются гастроли?
— Артисты балета будут выступать в июле в Австрии и в Бразилии, в октябре — почти месяц — в США, в Лос-Анджелесе и Лас-Вегасе — в этом городе, кстати, раньше мы никогда не гастролировали. Много предложений поступило и на 97-й год.

– Большой театр, как известно, возбудил дело против "Columbia Artists", которая организовывала гастроли башкирской труппы, вместе с бывшими артистами ГАБТа выступившей в США под именем Большого. Как проходит процесс?

— Дело приостановлено. Нам посоветовали отозвать иск, поскольку процесс грозит скандалом, затянуться, а долгое судебное разбирательство в Америке — очень дорогое удовольствие. Мы отстелили, что забрав иск, но только если нам будет выплачено на компенсацию за ущерб, нанесенный этим выступлением. Сейчас идут «торги». Мы настроены стоять на своем до победы, потому что надо все-таки когда-нибудь положить конец этому разброду.

— Знаете ли вы, что вам дали в театре прозвище **Васильев**. Блаженный, и как вы его воспринимаете?

— Да, мне говорили. Что ж, наверное, иногда я и произвожу такое впечатление. Время покажет, "блаженность" ли это на самом деле. Но в любом случае лучше быть Васильевым Блаженным, чем Иваном Грозным.

ало, а тут вос-
шенно иначе.
идеи. Не ме-